

**ГАЛИНА
ЩЕРБАКОВА**

КОСТОЧКА
АВОКАДО

Галина Николаевна Щербакова

Косточка авокадо

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=124023

Вам и не снилось: Эксмо; Москва; 2009

ISBN 978-5-699-35542-6

Галина Щербакова

Косточка авокадо

«...У меня не получились страусы, и косточки у авокадо оказались слишком большими», – печально признался Бог, очутившись по случаю на Земле.

Вот так замечательно зацепился в памяти какой-то американский фильм, из которого ничего не помню, а вот на страусов теперь без нежности смотреть не могу. Неудачные вы Его! Лапочки... Такие не фламинго...

С тех пор как я поняла, что мне и половины не сделать из того, что должна была и могла, проблема большой косточки авокадо стала мне застить свет. Боюсь неудачи. Я даже специально купила эту божью поделку, добралась до твердой середины. Действительно, можно было и помене... Зато как хорошо лежит в кулаке, как шершавится! А если еще запустить в глаз... Нет, это не вишня и даже не слива...

Хотя хорошо бы написать именно про вишню, про то, как она цветет, какой белый дым стоит. Такое счастье набухает внутри, что трещат ребра. Но за вишневый сад и схлопотать можно. Он у нас один – цветущий, срубленный, в печи столпленный, на все голоса спетый, а потому неча про него... И сливовую косточку не тронь: ею уже сто лет все не может подавиться один невоспитанный, жадный до фруктов мальчик.

Обтопанные, захватанные, zalюбленные поля и нивы,

люди, львы, орлы и куропатки...

«№— Мадам! Все продано. Есть перо от страуса и косточка от авокадо.

— Благодарю вас. Беру косточку».

...Ночью и пришел этот авокадовый рассказ. Пришел почему-то боком и застил свет ночной лампы, под которой лежал нормальный детективчик из тех, что про английский замок, в котором совсем не обязателен скелет в шкафу, зато непременно лорд-гомосек с отполированными до нечеловеческой красоты ножными ногтями. Перед ними я всегда столбенею. Хочется быть лордом и даже — пусть! пусть! — гомосеком. Какая разница, если хочется носить лепестковые ногти. Так вот на этом замиральном от черной зависти месте мне застило лампу, ибо бочком... Хотя нет, как раз не бочком, а прямо, вперед, двумя широкими шагами преодолевая мою прихожую, вошла ко мне эта глупая история. Пришла и стоит в моей прихожей, хотя не звали. Дети только что ввалились из школы, выедают в нетерпении мякиш из батона, через три часа по местному времени по этому поводу загунявит муж о своем военном детстве и той пайке, которую он съел не то что с горелой коркой, а с прилипшим к ней куском грязной газеты. В стомиллионном повторении это должно нами восприниматься как вершина его жизненных испытаний! Апофеоз войны. В этот момент я думаю о Верещагине! Как ему в гробу? Не жмут ли стенки? Не повернуться ли ему на бочок?

Бочок... При чем тут он? Оказывается, это она, моя гостья, стоит уже здесь – бочком, как раз на фоне светящегося закатным солнцем окна кухни, в которой дети уже доели мякиш, а Верещагин...

Развожу все по местам: дети, мякиш, женщина в прихожей – это все правда жизни. Это Илья Глазунов. Верещагин, уютненько повернутый со спинки на бочок, муж, который придет и загунявит про пайку, – это воображение. Это Пикассо со своей треснутой об колесо скрипкой. Но для меня-то все это сразу и одновременно! Вот в чем тайна тайн.

– Оставьте батон, паразиты моей жизни! – кричу я детям и, повернувшись к гостье, говорю голосом высшего с отличием образования, что рада ей бесконечно, все-таки два раза в жизни встречались. Родные, можно сказать. А встречались мы с ней, между прочим, тоже в прихожей, правда, другой, с большим зеркалом в металлооправе и с таким оглушительно правильным отражением, что я его ненавидела и каждый раз вспоминала свою любимую покойную подругу, которая говорила: «Зеркало, дура, должно быть мутным или висеть в темном месте, чтоб, посмотрев на него, ты убедилась в своей красоте, а не в изъянах кожи. Убедившись, ты воспрянешь духом и станешь красивее, уничтожая этим все свои изъяны. Теорема такая: радуюсь (пусть даже обману) – значит, хорошо, а недостатки, как побитые собаки, заползают туда, где им и место». Так вот та прихожая, где я встречалась с гостьей, на мою голову, была наоборотной. В ней при помощи

зеркала ты сразу убеждался в землистости кожи, в неизглядимой глубинности морщин, которые называются «собачьей старостью» и наступают, сволочи, тебя лет эдак в двадцать пять; в тусклости и сечености волос, бывших когда-то, по определению завистников, гривой, и тэдэ, и тэпэ. Можешь спускаться все ниже и ниже по самой себе и портить себе же настроение.

Я любила тот дом и его хозяйку, но прихожую ненавидела. Из нее всегда было трудно уйти быстро, вечно в ней толклось множество людей, надо было на виду безжалостного зеркала извлекать из глубин крючков своего лысого кролика, а какой-нибудь интеллигент – это непременно – на тонюсеньких лапках и в дымчатых очках – тоже непременно – норовил подскочить на носочках, помогая тебе овладеть зайцем, и, пока я попадала в рукав, выталкивая из него по ходу шапку и шарф, зеркало-гадина отражало все это без стыда и совести, строго по законам физики. Вот однажды, вернее дважды, мы и встретились глазами с сегодняшней моей гостьей, которой я солгала, что безмерно рада ей, вот только дети жрать хотят, а обед у меня готов на три четверти, так что...

– Я подожду, – сказала она.

На самом деле обед готов был, оставалось налить две тарелки. На самом деле я выкраивала время на «сообразить»: что могло понадобиться этой малознакомой женщине в моем доме? С какой сырости она завелась у меня? Господи! Да тысячу раз получужие дядьки и тетки вваливались, не зво-

ня и не предупреждая, и ничего! Я кормила их, поила, спать укладывала, а дети – чай, не баре – сами вполне справлялись с половником и чайником и спать сами укладывались, а утром перешагивала через мертво спящих на полу гостей, которых бог послал.

Нет! Случайным гостем меня не удивишь. Я к нему, как пионер, всегда готова. Тут было что-то другое. Я чуяла. Ну как я могу объяснить сквозняк под ложечкой или хлопанье ставен, которых нет, или то, как по серебристой дорожке пыли, высвеченной закатным солнцем в моей кухне, некто скатился кубарем и тут же велел его нарисовать. Вместе с дорожкой из пыли и ставнями.

Вот почему я попросила у гостыи пARDону и, быстро раздевшись с оголодавшим потомством, скрылась на две-три минуты в ванной, приплюснувшись к холодному кафелю. Я стала «собирать дух». Я же не знала, что ко мне пришло. А жизнь научила меня всегда быть готовой к неприятностям большим, чем меньшим.

...Итак, сначала... Месяца декабря ко мне пришла мало-знакомая, хорошо беременная женщина, с которой меня сводила судьба у чужого гадостного мне зеркала. Жизненный опыт загодя выплюнул перфокарту предупреждения, как то: чужие беременные, звонящие вам ни с того ни с сего в дверь, всегда чреватые осложненными обстоятельствами. Их мог забрюхатить ваш муж. Или сын. Или брат! Ваш приятель, у которого уже есть семеро по лавкам. Ваш папочка, выстрелива-

ющий на вдовьей старости лет бездумно, стихийно и страстно. Так как – повторяю – моя голова устроена для усложнения мира, то я подумала все сразу. И молила бога, чтоб это был многодетный приятель, пусть лучше он. Я уже готова помогать ему материально в виде круп и макаронных изделий, а также несношенных детских вещей. Когда я выходила из ванной, кубарек с солнечной дорожки гнусно хихикнул на горячем кране и сказал довольно громко и без малейшего сомнения: «Дура!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.